

ПОХВАЛА КНЯЗЮ: ПОВЕСТИ О МИХАИЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ
ТВЕРСКОМ*

Михаилу Александровичу Тверскому посвящен целый ряд произведений. Это две повести о его преставлении, его Житие (в двух редакциях) и текст под заглавием «Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго благовѣрныхъ великихъ князей тверскихъ». I Повесть о преставлении Михаила Александровича дошла до нас в составе летописей, восходящих к новгородско-софійскому своду XV в., а также в переработанном виде – в составе Тверского сборника. II Повесть о преставлении князя (с обширной похвалой ему) содержится в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. В Никоновской летописи и Лицевом своде Ивана Грозного (Остермановский II том) читается уже Житие тверского князя. Житие Никоновской летописи полностью включило в себя II Повесть, а повествование в Лицевом Своде использовало тексты обеих Повестей.

Самым ранним повествованием о преставлении Михаила Александровича Тверского нужно считать текст, сохранившийся в Новгородской IV летописи¹. Написанная в ближайшее время после преставления Михаила Александровича Повесть сохранила яркие детали о его последних днях, а также текст завещания князя. Завершается Повесть традиционным некрологом-похвалой с описанием внешних и личностных достоинств князя.

В Повести Рогожского летописца и Симеоновской летописи пространная похвала, всесторонне характеризующая тверского князя как идеального правителя Тверской земли, предшествует повествованию о его последних днях.

Обе повести прославляют и идеализируют князя, хотя подходят к этому по-разному.

В I Повести похвала предстает в виде портрета-описания. В качестве достоинств внешних отмечается, что князь был велик телом, сановит, «взоръ имѣаше грозенъ и преоудивленъ лише чловѣка». Подчеркивается, что князь был «смьшленъ и разоумень», перечисляются нравственные качества: боголюбие, любовь к церковному чину и пению церковному, нищелюбие, ведение праведного суда, боярам князь «не потакаше, но паче сиротамъ въ всемъ помогаше»². Такой тип посмертного портрета-некролога был традиционным для похвалы правителю и сложился в древнерусской литературе еще в домонгольский период. Внешняя красота, боголюбие, покровительство священническому и иноческому чину, помощь сиротам и нищим – топысы подобных текстов. В комплекс качеств идеального правителя может входить также воинская доблесть и праведный суд. Однако топика не связана жестко словесными формулами, текстуальное выражение может быть различным³. Разумеется, с течением времени в характеристику идеального правителя вносятся смысловые коррективы: в XIV и XV в. любовь и щедрость по отношению к дружине сменяется формулировкой «боляромъ не потакаше», читающейся, как было отмечено, и в рассматриваемой похвале Михаилу Александровичу.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-04-00183а).

¹ См.: Конявская Е. Л. Повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского в Новгородской IV летописи // Литература Тверского края в контексте древней культуры. Тверь, 2002. С. 43–59.

² ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 389.

³ Отдельные выражения все же превращаются в формулы (см. некоторые примеры: Пауткин А. А. Беседы с летописцем. М., 2003. С. 201. Но ни один из них не присутствует в рассматриваемом тексте о Михаиле Александровиче). Однако и сложившиеся формулы используются не бездумно, а уместно. Описания внешности, по-видимому, в основном соответствовали действительности, ибо оказывается, что князь не всегда высок: Мстислав Ростиславич, например, «възрастомъ середни бѣ» (ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 610); если говорится, что волосы были кудрявые, нет оснований в этом сомневаться, и т. д.

Нестандартным является подчеркивание ума князя (как правило, в некрологах об этом не говорится): Михаил Александрович «и смышленъ, и разоумень».

Если же говорить о текстуальных соответствиях другим некрологам-похвалам, то дословное совпадение можно отметить с описанием Изяслава Ярославича («тѣломъ великъ») и близость — с похвалой Ивану Калите из Сийского евангелия:

Похвала Ивану Калите

...имѣвше правый суд пач мѣры...⁴

Похвала Михаилу Александровичу

...паче же всего любляше соудъ правъ, не на лица соудити...⁵

Очевидно, что в первом случае совпадение объясняется тем, что эти два князя действительно были крупными людьми. Что же касается второго совпадения, то прямое заимствование здесь практически исключено, поскольку похвала Ивану Калите едва ли была широко известна. Это означает, что перед нами если не формула, то следы ее существования или формирования.

Собственно похвала Ивану Калите по типу ближе к похвале Михаилу Александровичу во II Повести. В этих похвалах прославляются дела князей. Иван Данилович восхваляется за «тишину» в Русской земле, правый суд, написание его повелением многих книг. Тем не менее в Похвале Ивану Калите немало и традиционной риторики, используются сравнения с византийскими императорами Константином Великим и Юстинианом, цитаты из пророка Иезекииля и царя Давида, похвальная формула, вошедшая в древнерусскую литературу в традицию начиная с митрополита Иллариона («Хвалить Римская земля Петра и Павла...»).

Автор похвалы во II Повести о Михаиле Александровиче также демонстрирует риторскую искусственность. Правда, он не прибегает к цитатам и уподоблениям, зато похвала его носит более стройный и продуманный характер.

«При семъ корчемники и мытаря и торжъныя тамгы истрѣбишася, бѣ бо благородныи изряднѣ князя, церкви Божіа съзидаи и оукрашаа, и люди бещислено сладцѣ и благочинно собра и грады Тѣвѣрская утверди и въ добрѣдѣнствѣ многа лѣта поживе, миръ глубокъ имѣа къ всѣмъ странамъ»⁶, — говорит сочинитель Повести. Можно ли найти реальную основу каждому из этих утверждений — или же сочинителем движет лишь желание прославить тверского князя, приписывая ему неосуществленные деяния?

Бесспорно, не является преувеличением похвала Михаилу Александровичу за осуществлявшееся им церковное строительство. Под тем же 6907 г. в летописях рассказывается об обновлении тверского кафедрального Спасо-Преображенского собора — по инициативе князя. Это была масштабная реконструкция храма, стены которого были украшены новой каменной резьбой. По инициативе Михаила Александровича строится каменная церковь архистратига Михаила в Новом Городке, при его поддержке и дотации епископ Арсений создает Желтиков монастырь с главным храмом Успения Богородицы⁷. По-видимому, в период его княжения основывается Тверской Саввин монастырь. В Твери работают иконописные и книгописные мастерские.

Тверь в XIV в. имела неоднократные непосредственные контакты с Константинопольским патриархатом, во многих из них инициатором или адресатом являлся князь Михаил Александрович.

⁴ Мещерский Н. А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 95.

⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 389.

⁶ ПСРЛ. М., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 167. На этот похвальный пассаж обратил внимание В. А. Кучкин, отметивший как заслуженность похвалы, так и преувеличенность выражений летописца (см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 197–198).

⁷ Об этом сохранились свидетельства в Житии Арсения Тверского: когда епископ рассказывает князю о своем замысле, Михаил Александрович «вбещеваетъ во всѣмъ м(о)н(а)ст(ы)рю его помогати и вотчину доволнѣ дати в м(о)н(а)стырь, яко же и бысть» и затем выполняет свое обещание: «Бл(а)говѣрныи великии князь Михайло Александровичъ вотчину дасть доволноу по прошению с(в)а(т)аго» (Конявская Е. Л. Житие св. Арсения епископа Тверского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3 (5). С. 79–80).

Так, в 1398 г. в Константинополь с пожертвованиями патриарху направляются два посольства: от тверского и московского князей. В летописных Повестях о преставлении Михаила Александровича встреча возвращающегося из Константинополя посольства — с благословением, дарами и иконой «Страшный Суд» — является центральной темой.

Фраза о собирании людей, укреплении городов также может быть обоснована. В 1382 г. во владения Тверского княжества возвращается Кашин. В завещании Михаила Александровича, сохранившемся в составе I Повести, упоминается Вертязин (Городня), Опоки, а также загадочные тверские Вьбрань и Радилов.

Утверждение, что князь «миръ глубокъ» имел ко всем странам, может несколько удивлять лишь на первый взгляд, поскольку после проигранной войны 1375 г. Тверь не воевала⁸. Это позволило правителю привести княжество к процветанию, а летописцу — славить его за «миръ глубокъ» и называть период его княжения «мирным царством Михаила». Характерно, что и похвала в I Повести не содержит слов о воинских доблестях князя, хотя, как уже отмечалось, традиция допускала такие упоминания. Отсутствие войн позволило направить ресурсы на внутренние нужды восстанавливающей свои силы Тверской земли. Тверь снова становится богатым княжеством, торгующим с Востоком и Западом⁹.

Что же касается пассажа о мытарях и тамгах, то едва ли можно говорить об уничтожении налогов и пошлин. Хотя договоры 1375 и 1399 г. свидетельствуют о сохранении их на давнем традиционном уровне¹⁰, это не исключает мысли об их относительном уменьшении.

В целом, время княжения Михаила Александровича восхваляется как период благоденствия Тверской земли, а сам князь объявляется примером для потомков: «его же именемъ сынове Тѣѣрстїи хваляться, поминающе и въ родъ и родъ»; Михаил Александрович «образъ добръ оставле всѣмъ княземъ, хотящимъ властвовать на земли»¹¹.

Понять причину столь высокой оценки деятельности тверского князя помогает обращение к уже упоминавшемуся договору Василия Дмитриевича с Михаилом Александровичем 1399 г. Заключенный незадолго до смерти тверского князя московско-тверской договор, как показано В. А. Кучкиным¹², снимал многие негативные для Твери нормы, утвердившиеся после капитулянтского соглашения 1375 г. Устанавливались равноправные союзные отношения, равенство в титулах, одинаковые нормы торговли, равноправный характер носило и большинство социальных статей. Благоприятные для Тверского княжества нормы сохранялись и подтверждались новыми договорами в течение всего последующего времени — почти до утраты Тверью независимости в 1485 г. Это объясняет неоднократные возвращения книжников к повествованиям о Михаиле Александровиче и чрезмерность похвал, содержащихся в ряде их текстов.

⁸ Михаил Александрович не вел самостоятельных войн согласно договору с Дмитрием Ивановичем 1375 г.

⁹ См.: Рубцов М. В. Деньги великого княжества Тверского. Археолого-нумизматический опыт из истории Тверской культуры XIII–XV в. // Труды второго областного тверского археологического съезда. Тверь, 1906. Отд. II. С. 102.

¹⁰ В договоре 1375 г.: «А мытовъ ти новых и пошлин не замышляти» (см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 341); в договоре 1399 г.: «А новых ти мытов не замышляти» (там же. С. 346).

¹¹ ПСРЛ. М., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 167–168.

¹² Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. С. 323–327.

